

Д. Р. Шарафутдинов

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РАЗРАБОТКИ ГРАММАТИК РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУСИСТИКЕ

На фоне дестабилизации социального положения русского языка в ряде регионов современного мира в русистике возрастает значимость грамматик, ориентированных на речевую деятельность — как продуктивную, так и рецептивную — и предусматривающих применение синтезирующих лингвистических технологий. Разработка грамматик продуктивного и рецептивного синтеза, адресованных в первую очередь иноговорящим учащимся, может способствовать усилению влияния русского языка в мире.

В современном мире русский язык является не просто этническим языком русских и средством межэтнической коммуникации в определенном регионе. Русский язык — один из мировых языков современности, язык, обслуживающий общение между многими этносами на территории обширной части Евразии, на том огромном евразийском геополитическом пространстве, которое формируется прежде всего постсоветскими государствами. Русский язык принадлежит к числу наиболее значительных во всех отношениях языков планеты. Выдающееся социальное положение в современном мире обуславливается нетривиальностью характеристик русского языка по таким социолингвистически релевантным параметрам, как, например, демографическая «подкрепленность», географическая распространенность, состав сфер функционирования, культурологическая значимость, разработанность соответствующей частной филологии — русистики, синхронной и диахронной, теоретической и прикладной, включая лингвометодический компонент: систему разноаспектных и различно ориентированных учебных курсов под общим названием «Русский язык».

Особое реальное, фактическое положение русского языка в сформировавшейся «иерархии языков» мира в целом получило определенное официальное, юридическое оформление. Русский язык является государственным языком территориально крупнейшей страны мира. Причем русский язык — единственный государственный язык многоязычной и полиэтнической Российской Федерации. Так называемый дисгармоничный — по обсуждаемому дифференциальному признаку — тип языковой ситуации в случае России представляется вполне обоснованным, органичным, поскольку в гигантском и необычайно разнообразном в этноязыковом плане социально-коммуникативном пространстве нашей страны совершенно определенно, отчетливо выделяется лишь один лингвистический «лидер», один металект (т. е. язык, функционально доминирующий в общегосударственном масштабе) — русский язык. Большинство населения современной России составляют этнические русские, а русскоговорящими являются почти все жители страны.

Русский язык наделен тем или иным официальным юридическим статусом и в некоторых других постсоветских государствах. В национальном законодательстве может быть отражена (в том числе косвенным образом) также функция русского языка как средства межэтнического общения (см., напр., ст. 10 Конституции Украины). Русский язык является одним из шести официальных и рабочих языков Организации

Объединенных Наций, что поддерживает его значимость и в области официальных международных контактов. Можно приводить многие другие факты, прямо или косвенно свидетельствующие о многообразии и важности социальных функций современного русского языка.

В силу незаурядного фактического социального положения, высокого юридического статуса в отдельных странах и в сфере официальной деятельности крупных международных организаций русский язык является полноправным участником так называемого клуба мировых языков [об этом понятии см.: Мечковская 1996, 113]. Языков, составляющих сегодня «клуб мировых языков», относительно немного — менее десятка. Это языки, крупнейшие по числу носителей, наиболее распространенные территориально и наиболее значимые в масштабе мировой культуры, мировой политики и экономики. Будучи изначально по своей первичной и основной функции языками этническими, они давно вышли далеко за пределы соответствующих этнических культур, стали общечеловеческим достоянием. Эти языки активно исследуют, описывают, преподают, пропагандируют во многих странах мира. Речь идет в первую очередь о являющемся, по сути дела, единственным масштабным общемировым (глобальным) средством межэтнического общения английском языке, а также о крупнейших региональных языках межэтнического общения: французском, испанском или русском.

Вместе с тем, несмотря на указанные факты, в конце XX в. социальное положение русского языка в мире в целом заметно осложнилось, стало утрачивать прежний уровень стабильности, устойчивости. Сформировался круг новых социальных проблем русского языка, подчас весьма значимых политически и экономически. Возникновение тенденции к ухудшению положения русского языка, в частности в постсоветских республиках, за исключением России и Белоруссии, и в странах Центральной и Восточной Европы, — одно из прямых социолингвистических последствий распада Советского Союза и исчезновения блока социалистических государств. Принципиальное изменение политической и культурной ориентации ряда стран, в которых социальные позиции русского языка прежде были более или менее сильны, ослабление организационной и финансовой поддержки русского языка в этих регионах, экспансия английского языка и другие факторы едва ли способствуют сохранению, а тем более усилению влияния русского языка в мире. В бывших социалистических странах, например в Чехии, русский язык утрачивает статус основного (одного из основных) иностранного языка, изучаемого в средних и высших учебных заведениях. Во многих постсоветских республиках для русского языка все менее характерен статус «второго родного» языка и отчасти даже функция главного инструмента межэтнического общения. В различных коммуникативных сферах русский язык теснят лингвистические «конкуренты».

Рассматриваемая тенденция вызывает вполне понятную озабоченность значительной части российской и не только российской общественности, в том числе специалистов в области русской филологии. Однако следует признать, что обсуждаемые процессы обусловлены преимущественно экстралингвистически — политическими, экономическими, социально-психологическими причинами — и мало зависят от воли филологов-русистов. Вместе с тем русисты могут существенным образом способствовать изменению сложившейся ситуации.

Очевидно, что в настоящее время совершенно необходима системная многоаспектная социальная поддержка русского языка за рубежами России, в первую очередь на постсоветском пространстве, весьма значительную часть населения которого составляют

этнические русские (около 20 млн чел.) и русскоговорящие люди. На такую поддержку и, более того, на усиление роли русского языка в общественной жизни зарубежных стран должно быть нацелено специальное направление государственной языковой политики Российской Федерации, представляющее собой научно обоснованный комплекс соответствующих политических, административных, юридических, экономических и специфически лингвистических мер. Этот последний — собственно лингвистический — аспект относится к компетенции русистов.

Что со своей стороны могут сделать русисты — именно как «прямые» специалисты в области исследования и описания русского языка — для укрепления социальных позиций русского языка в современном мире? Какие могут быть предложены научные произведения, целенаправленно способствующие решению данной «сверхзадачи»? Каковы методологические основы, теоретико-лингвистические концепции, жанры этих разработок?

В связи с этим чрезвычайно важным представляется вопрос о таких лингвистических описаниях, интерпретациях, в конечном счете — грамматиках, которые принципиально ориентированы на решение проблем изучения русского языка иноговорящими людьми, представляют русский язык с учетом реальных коммуникативных возможностей и интересов таких учащихся, адаптированы к специфике соответствующих лингвометодических задач.

Одно из направлений разработки таких лингвополитически значимых лингвометодических проектов связано с идеей адаптации грамматического описания к задаче овладения языком в минимальной, начальной степени на основе «искусственного упрощения» данного языка, минимизации исходной лингвистической информации. Так, при решении задачи освоения языка в степени, необходимой и достаточной для общения в сугубо бытовых, туристических или коммерческих целях, не требуются сложные детальные теоретические описания. В рассматриваемой ситуации релевантны описания, содержащие наиболее активный и общепотребительный лексикон и важнейшие правила грамматики. При этом и лексикон, и состав правил должны быть максимально компактными. Ср. знаменитый проект Ч. Огдена Basic English — «минимизированный» английский (1934), включающий только 850 слов и несколько грамматических правил.

Именно на иноговорящих учащихся прежде всего ориентированы и учебные грамматики, содержащие не только теоретические сведения об «устройстве» языковой системы, но и практические правила «выстраивания» речевой деятельности (продуктивной и рецептивной) и тем самым облегчающие практическое овладение языком. В русистике уже в течение нескольких десятилетий развивается направление исследований, посвященных разработке различных аспектов и компонентов грамматик для речевых действий [об этом, в частности, см.: Идеографические аспекты, 1988; Милославский, 2002; Мустайоки, 2006]. Тем не менее в наши дни русистика по-прежнему не располагает полноценными системными грамматическими описаниями, ориентированными на речевую деятельность: «...В настоящее время мы не обладаем последовательным и исчерпывающим описанием грамматики русского языка ни с позиций реципиента, ни с позиций производителя речи» [Милославский, 2002, 34].

Сегодня наука о современном русском языке — синхронная русистика — является одним из наиболее развитых «представителей» синхронного частного языкознания вообще. Синхронной русистикой накоплен гигантский опыт разнообразных теоретических и прикладных исследований и описаний русской языковой системы, русской речи и русских текстов. Обобщению этого опыта в первую очередь способствует замеча-

тельная традиция создания академических словарей и академических грамматик современного русского языка. Значение существующих академических грамматик русского языка для развития русистики в целом и каждой из ее отраслей (включая фонетику и лексикологию) в частности невозможно переоценить. Академические грамматики современного русского языка, в частности, двухтомная «Русская грамматика» 1980 г. издания содержат несомненно блестящие, весьма подробные, глубокие и тонкие описания языковых фактов. Не будет преувеличением утверждать, что академические грамматики представляют собой мощное достижение не только отечественной лингвистической школы, но и — шире — отечественной культуры в целом.

Вместе с тем важно иметь в виду тот факт, что в сложившейся академической традиции в качестве основного типа грамматики выступает классификационное описание языковой системы. Это такое лингвистическое произведение, объектом которого является именно абстрактная и пассивная языковая система, а не «конкретная и активная» речевая деятельность. Это грамматика именно описания системы на основе классификации единиц и явлений, а не планирования деятельности на основе алгоритмизации операций. Совершенно очевидно и закономерно, что такое грамматическое описание принципиально не ориентировано на технологическое обеспечение речевой деятельности — ни продуктивной, ни рецептивной, т. е. не нацелено на решение задач производства или восприятия текста и его компонентов. Для решения этих задач требуются грамматики принципиально иного типа — не классификационно-описательные, а алгоритмически-предписывающие; не типологизирующие, а инструктивные; не каталогизирующие языковую систему, а проектирующие речевую деятельность.

Научная и общественная потребность в грамматиках, которые были бы ориентированы на речевые действия, связанные либо с рецепцией, либо с продукцией языковых единиц, совершенно очевидна. Как уже было отмечено, прежде всего такой социальный запрос исходит от изучающих русский язык иноговорящих учащихся. Вообще говоря, вопросы обучения языку принято относить преимущественно к компетенции прикладной лингвистики [см.: Маслов, 1987, 5; Беликов, Крысин 2001, 262–263]), однако разработка лингвометодически ориентированных грамматик речевой деятельности подразумевает решение важных теоретико-лингвистических проблем.

Разработка грамматик речевой деятельности опирается на идею синтеза значений и форм неоднocomпонентных языковых единиц — таких единиц, к которым в принципе применима эта идея. Точнее, данная идея может быть актуальна только для тех знаковых (двусторонних) языковых единиц, которые обладают свойством делимости на компоненты, в свою очередь являющиеся также знаковыми (двусторонними) языковыми единицами — единицами, обладающими как формой, так и значением, как планом выражения, так и планом содержания, поскольку грамматики речевой деятельности — это в определенном смысле грамматики отношений между формой и семантикой, грамматики переходов от формы к семантике (рецепция) и от семантики к форме (продукция).

Рецептивная грамматика связана с семантическим (рецептивным) синтезом, т. е. «сборкой» значения единицы из значений составляющих ее компонентов; продуктивная грамматика — с деривационным (продуктивным) синтезом, т. е. «сборкой» формы производной единицы с заданными семантическими характеристиками. Синтетический подход, в случае успешной его реализации в грамматиках речевой деятельности, несет большие «выгоды» участникам коммуникации, поскольку предполагает использование возможно меньшего количества исходных единиц и получение производных

единиц в результате оперирования исходными единицами по определенным правилам. Так, синтетический подход может быть весьма эффективен при решении задачи лексического обеспечения речевой деятельности. «Словарный запас изучающего русский язык как неродной ограничен, обогащение этого запаса представляет трудную задачу» [Милославский, 1980, 4]. Использование синтезирующих технологий дает принципиальную возможность иноговорящим реципиенту и продуценту речи не выучивать обширный фонд общеупотребительных лексических единиц современного русского языка, включая разнообразные производные, а овладеть гораздо более компактным составом данных — непроизводными словами (основами) и словообразовательными аффиксами (дериваторами), а также системами правил (в виде алгоритмов) семантического и словообразовательного синтеза и далее самостоятельно синтезировать значения (рецепция) или формы (продукция) более сложных единиц. Алгоритмы синтеза должны быть обеспечены максимально правилами получения единиц и минимально списками готовых единиц.

Применение рецептивно-синтетической и продуктивно-синтетической методологии мотивировано не только внешними, социальными обстоятельствами, но и внутренней логикой развития русского языкознания. С одной стороны, «функционирование русского языка как языка межнационального общения... превращение русского языка в один из мировых языков поставили в повестку дня описание устройства русского языка не только с позиций его носителя, но и в интересах изучающего русский язык как неродной. Именно поэтому особенно важны не “разложение” на части, а “сборка” из частей либо соответствующего содержания, либо соответствующей формы» [Милославский, 1980, 292]. С другой стороны, в ряде направлений лингвистики последних десятилетий деятельность интерпретации языковых фактов приходит на смену традиционным классификационным описаниям, в которых накоплены большие объемы информации, касающейся детальной характеристики этих фактов в статическом аспекте. «Конечной идеальной целью» для таких направлений лингвистических исследований является «создание модели языковой деятельности, а не модели естественного языка (как формулировалась задача в этой области еще несколько лет назад)»; при таком подходе «языковые явления рассматриваются не с классификационной статической точки зрения, а в динамике, в процессе» [Моделирование языковой деятельности..., 1987, 9, 10].

Таким образом, экстралингвистические и интралингвистические причины обуславливают эволюцию грамматических интерпретаций в направлении от классификационно-характеризующей уровневой грамматики языковой системы к алгоритмически-инструктирующей сверхуровневой грамматике речевой деятельности, от классификации языковых фактов к алгоритмизации речевых действий.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М., 2001.

Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В. А. Белошапковой и И. Г. Милославского. М., 1988.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1987.

Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1996.

Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.

Милославский И. Г. Культура речи и русская грамматика. М., 2002.

Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни. М., 1987.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М., 2006.

Статья поступила в редакцию 20.06.07.